

Макс Мюллер

ВЕСТМИНСТЕРСКАЯ ЛЕКЦИЯ О МИССИИ

3 декабря 1873¹

Число религий, достигших стабильности и постоянства в мировой истории, довольно мало. Если мы исключим из рассмотрения размытые и нестабильные формы веры и поклонения, которые обнаруживаются среди нецивилизованных и кочевых рас, незнакомых с чтением и письмом, у которых нет ни законов, ни литературы, ни даже гимнов и молитв, передаваемых в устной традиции от отца к сыну, от матери к дочери, мы увидим, что реальных исторических религий человечества насчитывается не более восьми. Семитские расы породили три — иудейскую, христианскую, магометанскую; арийские, или индоевропейские — столько же — брахманскую, буддистскую и парси. Прибавим две религиозные системы Китая, идущие от Конфуция и Лао-цзы, и получим восемь языков, восемь высказываний веры от начала мира до наших дней; широкими мазками они обрисовывают религиозную карту всего мира.

У всех этих религий есть история, история, гораздо более интересная, чем у языка, литературы, искусства или политики. Религии не неизменны; напротив, они постоянно растут и меняются, и если перестают расти и меняться, то они умирают. Некоторые религии стоят особняком, независимо от остальных, другие тесно связаны, или влияли друг на друга на разных этапах своего расцвета и увядания. Они, следовательно, должны исследоваться вместе, если мы стремимся постичь их реальный характер, рост, упадок и возвращение к жизни. Так, магометанство непостижимо без христианства, христианство — без иудаизма; подобные связи объединяют брахманизм, буддизм и религию парсов. После тщательного исследования происхождения и роста этих религий, критического изучения их священных текстов, на которых они утверждают своё основание, стало возможно подвергнуть их научной классифика-

¹ Перевод выполнен К. А. Колкуновой по изданию Mueller F. Max. Selected Essays on Language, Myth and Religion. Vol. II. London: Longmans, Green, and Co., 1881. P. 46–86.

ции, подобно тому, как языки, кажущиеся несвязанными и взаимно непроницаемыми, были научно организованы и классифицированы. Через сравнение моментов, которые объединяют все или некоторые из них, а также определения частных черт, характерных для каждой в отдельности, новая наука появляется на свет, наука, нам всем нужная, и к которой придут все, по-настоящему интересующиеся религией — религиоведение (*science of religion*).

Среди различных классификаций¹, применяемых к религиям мира, есть одна, особенно интересная нам сегодня — я имею в виду выделение миссионерских и не миссионерских религий. Безусловно, нельзя сказать, что эта классификация основана на несущественной или попросту на случайной характеристике. Напротив, в основе её — сердце любой системы веры человечества. Среди шести религий арийского и семитского мира, три выступают против идеи миссии — иудаизм, брахманизм и зороастризм; у трёх миссионерский характер наблюдается с самого начала — у буддизма, магометанства и христианства.

Евреи, в особенности в древности, не думали о распространении своей религии, которая была для них сокровищем, привилегией, благословением, чем-то выделяющим их как избранный Богом народ. Еврей должен быть семенем Авраама; когда позже, в значительной степени из-за политических обстоятельств, евреям приходилось предоставлять чужакам некоторые привилегии в своей теократии, их воспринимали не как спасённые души, рождённые в новом братстве, но как чужих, как прозелитов (*πρόσῆλυτοι*) — то есть людей, которые пришли к ним как враги (*aliens*), следовательно, им нельзя доверять, согласно пословице, до двадцать четвёртого колена².

Схожие идеи не давали брахманам даже пытаться распространять свою религию среди тех, кто по рождению не принадлежал к духовной аристократии Индии. Они скорее стремились оставить свет исключительно для себя, отпугнуть других претендентов; в этом они заходили так далеко, что наказывали тех, кто подходил

¹ Различные классификационные системы, применимые к религиям мира, обсуждались в «Введении в науку о религии».

² «*Proselyto no fidas usque ad vigesimam quartam generationem*». Jalkut Ruth, f. 163, d; Danz, in Meuschen, Nov. Test. ex Talm. illustr. P. 651.

достаточно близко, чтобы слышать звуки их молитв или видеть жертвоприношения¹.

Парсы также не стремятся обращать в свою религию. Они гордятся своей верой и своей кровью, но хотя они верят в финальную победу истины и света, хотя и говорится «будь ярким, как солнце, и чистым, как луна», никто не стремится стереть духовную тьму с лица земли, позволяя свету внутри пролиться на мир.

Обратимся теперь к другому кластеру религий — буддизму, магометанству и христианству. Сколько бы они не были различны в самых ключевых доктринах, у них есть и общее — вера, жизнь, мощь, они стремятся убедить и покорить. С самого начала своего существования эти три религии стремились к миссии: их основатели или первые апостолы считали своей обязанностью распространять истину, опровергать ошибки, заставить весь мир признать первостепенный, если не божественный, авторитет их учений. Именно это даёт им всем общее выражение и поднимает их над уровнем других религий.

Начнём с буддизма. Мы действительно знаем очень мало о его происхождении и самом раннем периоде, поскольку начала всех религий с необходимостью скрыты от взгляда историка. Однако у нас есть нечто вроде свидетельства очевидцев о Великом Совете, состоявшемся в Паталипутре, 242 г. до н. э.², в котором был утверждён священный канон буддийских писаний и в конце которого были выбраны и отправлены миссионеры, чтобы проповедовать новое учение, причём не только в Индии, но далеко за пределами этой огромной страны³. У нас есть надписи, содержащие указы царя, который был для буддизма тем же, кем Константин для христиан-

¹ India, Progress and Condition, Blue Book presented to Parliament, 1873, p.99: «утверждается (хотя это утверждение должно восприниматься критически) ошибочность предположения, что религия индусов не занимается прозелитизмом. Любое количество аутсайдеров, до тех пор, пока они не проникают в сложившиеся касты, может создать собственную касту и звать себя индусами, а брахманы всегда готовы принять тех, кто им подчиняется и платит». Может ли это быть названо прозелитизмом?

² Отечественная буддология говорит о Третьем буддийском совете в Патне, 250 г. до н.э. — прим. пер.

³ Cf. Mahavanso, cap. 5.

ства. Он порвал с традициями старой религии брахманов и признал учение Будды в качестве государственной религии Индии. У нас есть описание совета в Паталипутре, который был для Индии тем же, чем Никейский собор, 570 лет спустя, был для Европы; и мы можем прочитать простую историю¹ о том, как главный старейшина, председатель на совете, старик слишком слабый, чтобы путешествовать по суше, и прибывший из своего отшельничества на лодке, — этот человек, когда совет закончился, начал размышлять о будущем и обнаружил, что пришло время распространить религию Будды в других странах. Поэтому он отправил выдающихся монахов в Кашмир, Кабул и на запад, в колонии, основанные греками в Бактрии, в Александрию, на Кавказ и в другие места. Других он послал на север, в Непал и в населённые части Гималайских гор. Ещё одна миссия отправилась к Декану, в Майсор, к маратхам, возможно, в Гоа; даже Бирма и Цейлон упоминаются как одни из первых миссионерских пунктов буддистов. У нас есть сведения о том, как они проповедуют. Когда ему угрожали разъярённые толпы, один из первых миссионеров спокойно сказал: «Если бы все миры, включая небеса дева, пришли, чтобы напугать меня, они не смогли бы создать во мне страх и ужас». Заставив людей слушать себя, он освободил их простой молитвой: «Впредь не уступай гневу, как прежде: не разрушай посевы, потому что все люди любят счастье. Прояви милость всем живым существам, и пусть люди живут в мире».

Несомненно, сообщения об успехах, достигнутых этими ранними миссионерами, преувеличены, а их битвы со змеями, драконами и злыми духами иногда напоминают нам легенды о достижениях, например, святых Патрика в Ирландии или Бонифация в Германии. Но тот факт, что миссионеры были посланы для обращения мира, кажется, не подлежит разумному сомнению²; и этот факт открывает нам новую в то время мысль — новую не только для Индии, но и в истории всего мира. Признание долга проповедовать истину

¹ Cf. Mahavanso, cap.12.

² В некоторых местах, упоминаемых в Хрониках в числе первых мест буддийских миссий, были обнаружены реликвии, содержащие имена миссионеров, упомянутых в Хрониках. См. Коерпен, *Die Religion des Buddha*, S. 188.

каждому мужчине, женщине и ребёнку — идея, противоречащая самым глубоким инстинктам брахманизма; и когда в конце главы о первых миссиях мы читаем простые слова старого летописца: «Кто станет возражать, если на карту поставлено спасение мира?», мы сразу чувствуем, что движемся в новый мир, мы видим рассвет нового дня, открытие более обширных горизонтов — мы впервые в истории мира чувствуем биение великого сердца человечества¹.

Коран дышит другим духом; он не приглашает, а, скорее, заставляет мир войти. Тем не менее, есть отрывки, особенно в более ранних его частях, которые показывают, что Мухаммад тоже реализовал идею человечества и религии человечества; более того, сначала он хотел объединить свою религию с религией иудеев и христиан, объёмля всех под общим названием ислам. Ислам изначально означал смирение или преданность; и все, кто смирились перед Богом и исполнились подлинного благоговения, были названы мусульманами. «Ислам, — говорит Мухаммад, — это истинное поклонение Богу. Когда мужчины спорят с вами, говорите: «Я мусульманин». Спросите тех, у кого есть священные книги, и спросите язычников: «Вы мусульманин?» Если да, то они на правильном пути; но если они отвернутся, то у вас нет другой задачи, кроме как донести послание, проповедовать им ислам»².

Что касается нашей собственной религии, то сама её душа является миссионерской, прогрессивной, всеобъемлющей; она перестала бы существовать, если бы исчезла миссия — если бы были проигнорированы напутственные слова её Основателя: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века».

Именно миссионерский характер, присущий этим трём религиям, буддизму, магометанству и христианству, связывает их вместе

¹ См. Примечание А. С. 75.

² «Ислам — это отглагольное существительное, а муслим, мусульманин — причастие того же корня, от которого также образуются слова салам, мир, и салим и салым, целое, честное. Следовательно, ислам означает удовлетворять или умиротворять посредством послушания; также это слово означает просто подчинение». Sprenger, Mohammad, 1, p. 69; III. 486.

и поднимает на более высокий уровень. Их различия, несомненно, велики; в некоторых моментах они противоположны друг другу, как день и ночь. Но они не могли бы быть такими, какие они есть, они не могли бы достичь того, чего они достигли, если бы дух истины и дух любви не жили в сердцах их основателей, их первых посланников и миссионеров.

Дух истины — это источник жизни для всех религий, и там, где он существует, он должен проявлять себя, он должен заступаться, он должен убеждать, он должен склонять и обращать. Однако миссионерская работа в обычном смысле этого слова — лишь одно из проявлений этого духа; ибо тот же дух, который наполняет сердце миссионера за границей смелостью, даёт мужество и проповеднику дома, чтобы свидетельствовать об истине. Религии, которые могут похвастаться миссионерами, покинувшими дом своего детства и расставшимися с родителями и друзьями — чтобы никогда больше не встретиться в этой жизни — ушедшими в пустыню, желая провести жизнь в тяжёлом труде среди незнакомцев, готовясь, если нужно, отдать свою жизнь как свидетели истины, как мученики во славу Божию — те же религии богаты и теми честными и бесстрашными вопрошателями, которые, по велению того же духа истины, готовы оставить позади заветный мир детства, разлучиться с друзьями, которых они любили больше всего, быть одинокими среди мужчин, пожимающих плечами и спрашивающих: «Что есть истина?», молча переносить мученичество, более унижительное, чем сама смерть. Есть люди, которые говорят, что, если бы они держали всю истину в кулаке, то не раскрыли бы ни одного пальца. Такие люди мало знают о действии духа истины, истинного миссионерского духа. Пока в душе вопрошающего есть сомнения, тьма и беспокойство, сдержанность может быть его естественным состоянием. Но когда однажды сомнение уступит место уверенности, тьма свету, тревога радости, вспыхнут лучи истины; и сомкнуть руку или сжать губы будет так же невозможно, как лепесткам цветка закрыться на призыв весеннего солнца.

Что в этой короткой жизни должно запечатать наши губы? Чего нам ждать, если мы не собираемся заговорить здесь и сейчас?

Есть миссионерская работа как дома, так и за границей; тысячи ждут, чтобы выслушать, как один человек скажет только правду и ничего, кроме правды; тысячи голодают, потому что не могут найти ту пищу, которая приемлема для них.

Даже если бы дух истины мог быть скован страхом или благоразумием, дух любви никогда не уступил бы. Признав общее братство человечества, не просто как слово или теорию, а как реальную связь, связь, более связывающую, более прочную, чем узы семьи, касты и расы, и вопросы: «зачем мне раскрывать свои руки? почему я должен открывать своё сердце? зачем мне говорить с моим братом?» больше никогда не возникнут. Разве не лучше говорить, чем идти по жизни в молчании, неизвестности, незнании? Говорил ли кто-нибудь из нас когда-нибудь с другом и открывал ему самое сокровенное в душе, но получал в ответ резкость или отталкивание с презрением? Слушал ли кто-нибудь из нас, будь то священник или мирянин, честные вопросы любящей истину души, не чувствуя, что его собственная душа наполнена любовью? да, не чувствуя себя униженным самой честностью признания брата?

Если бы мы только исповедались друг другу, если бы мы только были честны, человек с человеком, нам не нужны были бы исповедники.

Если наши сомнения и трудности созданы нами самими, если их могут устранить более мудрые и лучшие люди, почему бы не дать нашему брату возможность помочь нам? Но если наши трудности не созданы нами самими, если они не вызваны невежеством либо самонадеянностью, не лучше ли нам знать, что мы все несём одно и то же бремя, общее бремя человечества, если, к счастью, мы можем обнаружить, что для обременённых есть лишь один, могущий дать им отдых?

Могут быть времена, когда молчание — золото, а речь — серебро; но бывают также времена, когда молчание — это смерть, а речь — это жизнь, сама жизнь Пятидесятницы.

Как человек может бояться человека? Как мы можем бояться тех, кого любим?

Молодые боятся старых? Но ничто не радует пожилого человека больше, чем видеть, что молодые доверяют ему и верят, что он скажет им правду.

Старые боятся молодых? Но ничто так не поддерживает молодых, как знание, что они не одиноки в своих бедах и что во многих душевных испытаниях отец так же беспомощен, как и ребёнок.

Женщины боятся мужчин? Но мужчины не мудрее женщин в том, что касается Бога, и настоящая любовь к Богу принадлежит им гораздо больше, чем нам.

Боятся ли мужчины женщин? Хотя женщины могут более тщательно скрывать свои тяготы, их сердце болит так же сильно, как и наше, когда они шепчут себе: «Господи, я верю, помоги моему неверию».

Миряне боятся духовенства? Но где же священнослужитель, который не уважал бы честное сомнение больше, чем беспрекословную веру?

Духовенство боится мирян? Но, конечно, мы знаем, по крайней мере здесь, что чистый голос честности и смирения привлекает больше сердец, чем резкие звуки догматической уверенности или церковной исключительности.

«В искренних сомнениях живёт больше веры, поверьте мне, чем в половине догм? кредо».

Миссионер не должен знать страха; его сердце должно переполняться любовью — любовью к человеку, любовью к истине, любовью к Богу; и в этом самом высоком и истинном смысле слова каждый христианин является или должен быть миссионером.

А теперь давайте снова посмотрим на религии, в которых действует миссионерский дух, и сравним их с теми, в которых любая попытка убедить других, спасти души, свидетельствовать об истине рассматривается с жалостью или презрением. Первые живы, вторые умирают или мертвы.

Религию Зороастра — религию Кира, Дария и Ксеркса, — которая, если бы не битва при Марафоне и Саламине, могла бы стать религией цивилизованного мира, сейчас исповедуют только 100 000

душ¹, то есть примерно одна десятитысячная часть жителей мира. В течение последних двух столетий их число неуклонно уменьшалось с четырёхсот до ста тысяч, и ещё один век, вероятно, положит конец тому, что ещё осталось от почитателей Мудрого Духа, Ахурамазды.

Иудеев примерно в тридцать раз больше, чем парсов, и поэтому они составляют более заметную часть человечества. Хотя маловероятно, что их число когда-либо увеличится, их физическая сила и интеллектуальное упорство, а также их расовая гордость (*pride of race*) и вера в Иегову таковы, что мы с трудом можем представить, что их патриархальная религия и древние обычаи скоро исчезнут с лица земли.

Может показаться, что религии парсов и иудеев справедливо поплатились за свой анти-миссионерский дух, но как, возразят, сказать то же самое в отношении религии брахманов? Эту религию до сих пор исповедуют по крайней мере 110 миллионов человеческих душ, и, судя по последней переписи, даже это огромное количество далеко не соответствует действительности. И все же я не боюсь сказать, что их религия умирает или мертва. Почему? Потому что она не выдерживает дневного света. Поклонение Шиве, Вишну и другим популярным божествам имеет тот же, более того, во многих случаях более упадочный и дикий характер, чем поклонение Юпитеру, Аполлону и Минерве; оно принадлежит к пласту мысли, который давно похоронен у нас под ногами: эта религия может продолжать жить, как лев и тигр, но простой воздух свободной мысли и цивилизованной жизни будет растворять её. Религия может долго существовать, она может быть принята широкими массами людей, потому что такая она есть, и нет ничего лучше. Но когда религия перестаёт производить защитников веры, пророков, поборников, мучеников, она перестаёт жить в истинном смысле этого слова; и в этом смысле старый ортодоксальный брахманизм не существует уже более тысячи лет.

В самом деле, в Индии есть миллионы детей, женщин и мужчин, которые падают перед каменным изображением Вишну с его че-

¹ Последняя перепись населения Индии фиксирует 160 тысяч.

тырьмя руками, верхом на существе, наполовину птице, наполовину человеку, или спящем на змее; другие поклоняются Шиве, чудовищу с тремя глазами, скачущим голым верхом на быке в ожерелье из черепов в качестве украшения. Есть люди, которые все ещё верят в бога войны, Карттикею, с шестью лицами, верхом на павлине, держащего в руках лук и стрелы; и которые призывают бога успеха, Ганешу, с четырьмя руками и головой слона, сидящего на крысе. Более того, это правда, что среди бела дня в девятнадцатом веке фигуру богини Кали несут по улицам её собственного города, Калькутты¹, с растрёпанными волосами, доходящими до её ног, с ожерельем из человеческих голов, высунутым языком, в поясе, залитом кровью. Все это правда! Но спросите любого индуса, который умеет читать, писать и думать, являются ли они богами, в которых он верит, и он улыбнётся вашей доверчивости. Никто не может сказать, как долго продлится эта живая смерть национальной религии в Индии: для наших целей, для получения представления о проблеме великой религиозной борьбы будущего, эта религия мертва.

Три религии живы, и между ними будет происходить решающая битва за владение миром — это три миссионерские религии, буддизм, магометанство и христианство. Статистические данные о религии, возможно, самые ненадёжные из всех, но всё же хорошо иметь общее представление о силах наших врагов; и хорошо знать, что, хотя число христиан вдвое превышает число мусульман, буддийская религия по-прежнему занимает первое место в религиозной переписи человечества².

Буддизм безраздельно властвует в Центральной, Северной, Восточной и Южной Азии и постепенно поглощает всё, что осталось от аборигенного язычества на этой обширной и густонаселённой территории.

Магометанство претендует на Аравию, Персию, большие части Индии, Малую Азию, Турцию и Египет; и его величайшие завоевания миссионерскими усилиями совершаются среди языческого населения Африки.

¹ Lassen, *Indische Alterthumskunde*, vol. iv. p. 636. Cf. *Indian Antiquary*, 1873, p. 370. *Academy*, 1874, p. 61.

² См. *Religious Statistics of Buddhism*, *infra*, p. 223.

Христианство царит в Европе и Америке, оно завоёвывает коренные народы Полинезии и Меланезии, а его миссионерские аванпосты разбросаны по всему миру.

Таким образом, этим трём силам придётся вести религиозную битву будущего, Священную войну человечества, и она ведётся в настоящий момент, хотя, очевидно, без особого результата. Обратить мусульманина сложно; обратить буддиста ещё труднее; обратить христианина, будем надеяться, почти невозможно.

Могут спросить, в чём тогда польза от миссионеров? Зачем нам тратить миллионы на зарубежные миссии, когда в наших городах есть дети, которые растут в невежестве? Почему мы должны лишать себя самых благородных, смелых, пылких и преданных и отправлять их в пустыню, в то время как дома виноградник требует столько работников?

Эти вопросы правильны; мы не должны обвинять тех политэкономов, которые говорят нам, что каждый новообращённый обходится нам в 200 тысяч, и что при нынешних темпах прогресса на эвангелизацию мира уйдёт более 200 000 лет. В этих цифрах нет ничего поразительного. Каждый ребёнок, рождённый в Европе, такой же язычник, как ребёнок меланезийского каннибала; а превратить ребёнка во взрослого христианина стоит более 200 тысяч. Другой расчёт полностью ошибочен; интеллектуальный урожай нельзя рассчитывать, просто добавляя зерно к зерну, нужно считать каждое зерно как живое семя, которое принесёт плод сто- и тысячекратно.

Если мы хотим знать, какую работу должен выполнять миссионер и каких результатов мы можем ожидать от неё, мы должны различать два вида работы: одна — родительская, другая — дискуссионная. У нецивилизованных рас работа миссионера — это работа родителя. Молоды ли его ученики или стары, он должен относиться к ним с родительской любовью, обучать их с родительским авторитетом; он должен завоёвывать их, а не спорить с ними. Я знаю, что такую миссионерскую работу часто презирают; её называют просто религиозным похищением; и говорят, что миссионерский успех, достигнутый такими средствами, ничего не доказывает в пользу истинности христианства; что ребёнок, переданный мусульманину,

вырастет в мусульманстве, так же как ребёнок, взятый христианским миссионером, станет христианином. Всё это правда; миссионерский успех, достигнутый с помощью таких средств, никак не доказывает истинность наших символов веры, но доказывает то, что гораздо важнее, — христианскую любовь. Прочитайте «Жизнь Паттесона, епископа Меланезийского»; следуйте за ним на его судне, плывя с острова на остров, выпрашивая детей, унося их как мать своего новорождённого ребёнка, кормя их, одевая и причёсывая их, одевая их, кормя их, обучая их в своём епископальном дворце. Паттесон здесь является всеми: и няней, и горничной, и поваром, и школьным учителем, и врачом, и епископом — прочтите, как этот человек, уехавший от своего престарелого отца, от друзей, любимых занятий, завоевал самые любящие сердца этих детей, с каким негодованием он отбрасывал для них имя «дикари», как он доверял им, уважал их, почитал их, и когда они стали взрослыми и окрепли, отправил их обратно в их островные дома, чтобы там была закваска для будущего. Да, прочтите жизнь, работу, смерть этого человека — смерть истинную, искупающую грехи других — и затем скажите, не хотите ли вы сдерживать профессию, которая может вызвать такие самоотречение, героизм, святость, любовь. Я был счастлив знать некоторых из самых прекрасных и благородных душ, созданных Англией в течение этого столетия, но нет никого, чью память я чту с большим пиететом, никого, чьей дружбой я дорожу более глубоко, чем этого истинного святого, этого истинного мученика, этого истинно родительского миссионера.

Работа родительского миссионера понятна, и её успех неоспорим не только в Полинезии и Меланезии, но и во многих частях Индии — вспомните только о ярком свете Тинневелли, — в Африке, в Китае, в Америке, в Сирии, в Турции, да и в самом центре Лондона.

Иначе обстоит дело с противоречивым миссионером, которому приходится атаковать веру людей, выросшим в других религиях, содержащих много истины, хотя и смешанных с большим количеством ошибок. Здесь трудности огромны, а результаты обескураживают. Мы не должны этому удивляться. Каждый из нас знает, слишком хорошо, увы, как мало аргументация помогает в богословской

дискуссии; как часто она приводит к результату, прямо противоположному тому, которого мы ожидали; подтверждая, а не колебля, мнения не менее ошибочные и не менее неопровержимые, чем многие доктрины мусульманской или буддийской веры.

И даже когда аргументация оказывается успешной, когда она вынуждает невольного судью выносить вердикт, как часто результат разочаровывает; потому что, когда отрывали гнилую былинку, на которой держалось дерево, оказались повреждены его нежные волокна, корни расшатаны, а его жизнь разрушена.

У нас мало оснований ожидать, что это противоречивое оружие сыграет свою роль в борьбе между тремя величайшими религиями мира.

Но есть третий вид миссионерской деятельности, который принёс самые важные результаты, и только благодаря которому, как я считаю, будет одержана окончательная победа. Когда две религии вступают в контакт, когда последователи каждой из них живут вместе в согласии, воздерживаясь от любых прямых попыток обращения, будь то силой или убеждением, хотя все время осознают тот факт, что они и их религии находятся под судом, что за ними наблюдают, что они несут ответственность за всё, что говорят и делают — результат всегда оказывается величайшим благословением для обоих. Он выявляет всё лучшее в каждом и в то же время скрывает то, что может показаться сомнительной ценностью, недостоверной истиной. Когда бы это ни происходило в мировой истории, это приводило либо к реформе обеих систем, либо к основанию новой религии.

Когда после завоевания Индии насильственные меры по обращению индусов в магометанство прекратились, и магометане и брахманы жили вместе, наслаждаясь совершенным равенством, результатом стало очищенное магометанство и очищенный брахманизм¹. Почитатели Вишну, Шивы и других божеств стали стыдиться этих мифологических богов и были вынуждены признать, что существует либо высшее божество над этими отдельными

¹ Lassen, Indische Alterthumskunde, vol. iv. p. 606; Wilson, Asiatic Researches, xvi. p. 21.

богами, либо высшая божественная сила (Пара-Брахма) вместо них, истинный источник всего сущего, единственный и всемогущий правитель мира. Это религиозное движение достигло пика своего развития в начале двенадцатого века, когда Рамануджа основал реформированную секту почитателей Вишну; и снова, в четырнадцатом веке, когда его пятый преемник, Рамананда, придал этой могущественной секте ещё более либеральный характер. Он не только отменил многие кастовые ограничения, многие мелкие церемониальные обряды в еде, питье и купании, но и заменил классический санскрит, который был непонятен широким массам людей, живыми наречиями, на которых он проповедовал более чистое поклонение Богу.

Самым выдающимся человеком того времени был ткач, ученик Рамананды, известный под именем Кабир¹. Он в полной мере заслужил имя, которое для себя избрали последователи реформированной секты, Авадхута, что значит сотрясающий прах суеверий. Кабир полностью порвал с народной мифологией и обычаями церемониального права и в равной степени относил себя и к индуистам, и к магометанам. По его словам, есть только один Бог, творец мира без начала и конца, непостижимой чистоты и непреодолимой силы. Чистый человек — это образ Бога, и после смерти он обретает общение с Богом. Заповедей Кабира немного: не причинять вреда ничему, что имеет жизнь, ибо жизнь от Бога; говорить правду; держаться в стороне от мира; подчиняться учителю. Его стихи прекрасны, мало существует превосходящих их на любом языке.

Ещё более важной в истории Индии была реформа Нанака (1469–1588), основателя сикхской религии. Он тоже трудился всецело в духе Кабира. Оба старались убедить индусов и магометан в том, что существенные части их вероучений совпадают, что они должны отбросить разнообразие практических деталей и искажения своих учителей ради поклонения Одному Единственному Всевышнему, независимо от того, называем мы его Аллахом или Вишну.

Результат от этих религиозных реформ был очень полезным; он ударил по самым корням идолопоклонства и распространил по всей

¹ Жил при Сикандер-шахе Лоди, 1488–1512; см. Trumpp, Adigranth.

Индии разумное и духовное поклонение, которое в любой момент может развиться в более высокое национальное вероучение.

То же влияние, которое магометанство произвело на индуизм, теперь оказывает, в гораздо большей степени, на религиозный ум Индии просто присутствие христианства. Это безмолвное влияние начало сказываться много лет назад, даже тогда, когда миссионерам не разрешалось находиться на территории старой Ост-Индской компании. Его первым представителем был Рам Мохан Рой, родившийся всего сто лет назад, в 1772 году, и умерший в Бристоле в 1833 году, основатель Брахмо-самадж. Человек столь образованный и столь религиозный не мог не чувствовать себя униженным зрелищем, которое народная религия его страны представила его друзьям-англичанам. Он обратил их внимание на то, что в старых священных писаниях его народа — Ведах — можно найти более чистую религию и зашёл так далеко, что заявил о божественном происхождении Вед и попытался основать реформированную веру на их авторитете. В этой попытке он потерпел неудачу.

Несомненно, Веды и другие произведения древних поэтов и пророков Индии содержат сокровища истины, которые никогда не должны быть забыты, по меньшей мере сыновьями Индии. Покойный епископ Коттон в своём обращении к студентам миссионерского института в Калькутте посоветовал им использовать в своих ежедневных молитвах гимны из Ригведы¹.

Нигде мы не находим более убедительных аргументов против идолопоклонства, нигде единство Божества не защищалось более решительно, чем у некоторых мудрецов древней Индии. Даже в самой древней из их священных книг, Ригведе, составленной три или четыре тысячи лет назад — где мы находим гимны, обращённые к различным божествам неба, воздуха, земли, рек — несомненно вырывается протест человеческого сердца против многобожия. Один поэт, спросив, кому должна быть принесена жертва, отвечает: «Тому, Кто есть Бог выше всех богов»². Другой поэт, перечислив имена многих божеств, без колебаний утверждает, что «это что

¹ См. *Brahmic Questions of the Day*, 1869, p. 16.

² *History of Ancient Sanskrit Literature*, by M. M. (2nd ed), p. 569.

угодно, кроме имени Того, Кто Единый». И даже когда призываются отдельные божества, нетрудно увидеть, что в сознании поэта каждое из имён призвано выражать высшую концепцию божества, на которую человеческий разум тогда был способен. Бог неба называется Отец, Мать и Друг; он Творец, Держатель Вселенной; он награждает добродетель и наказывает грех; он слушает молитвы тех, кто его любит.

Учитывая все это, мы вполне можем понять, почему попытка заявить о божественном происхождении этих книг и тем самым сделать их искусственным основанием для новой религии потерпела неудачу. Преемник Рам Мохан Роя, нынешний глава Брахмо-Самадж, мудрый и превосходный Дебендранатх Тагор, какое-то время ещё более решительно придерживался Вед как единственного основания новой веры. Но так продолжаться не могло. Как только истинный характер Вед¹, который могли понять лишь немногие в Индии, стал известен отчасти благодаря усилиям местных, отчасти европейских учёных, индийские реформаторы отказались от притязаний на божественное вдохновение в своих Ведах и удовлетворились подборкой отрывков из трудов древних мудрецов Индии, выражающих и воплощающих вероучение, которое разделяют члены Брахмо-самадж².

Работа, которую эти религиозные реформаторы проделали в Индии, превосходна, и только те, кто знает, что значит в религиозных вопросах порвать с прошлым, отказаться от устоявшихся обычаев нации, противостоять волне общественного мнения, выдерживать враждебную критику, подвергаться социальным преследованиям, могут составить хоть какое-то представление о том, что эти люди перенесли, свидетельствуя об истине, которая была внутри них.

Они не могли рассчитывать ни на какое сочувствие со стороны христианских миссионеров; их работа не привлекала большого внимания в Европе до самого недавнего времени, когда в Брахмо-самадж разразился раскол между старой консервативной партией и новой партией, которую возглавил Кешуб Чандра Сен. Первая, хотя

¹ The Adi Brahma-Samaj, its Views and Principles, Calcutta. 1870, p. 10.

² A Brief History of the Calcutta Brahma-Samaj, 1868, p. 16.

и была готова отказаться от всего, что было явным идолопоклонством в древней религии и обычаях Индии, стремилась сохранить все, что можно было безопасно сохранить: они не хотели, чтобы индийская религия лишилась национального колорита. Другая партия пошла дальше в своём стремлении к религиозной чистоте. От всего, что пахло старой закваской, следовало отказаться: не только от касты, но даже того священного шнура — религиозной ленты, которая создаёт и отличает брахмана, которая должна напоминать ему в каждый момент его жизни и любой деятельности, чем бы он ни занимался, о его Боге, о предках и детях — даже от этого следовало отказаться; и вместо того, чтобы основывать свою веру исключительно на высказываниях древних мудрецов своей страны, все лучшее, что было в священных книгах всего мира, должно быть отобрано и преобразовано в новый священный Кодекс¹.

Раскол между этими партиями вызывает глубокое сожаление; но тем не менее это признак жизни. Он скорее предвещает успех, чем неудачу в будущем. Это тот же самый раскол, который апостол Павел должен был исцелить в Коринфской церкви, что он и сделал словами, которые так часто неправильно понимаются: «знание надмевает, а любовь назидает»².

У наших миссионеров религиозная реформа в Индии не пользуется особой популярностью, и нас не должно это удивлять. Их цель — пересадить, по возможности, христианство в его целостности из Англии в Индию, как мы могли бы пересадить взрослое дерево. Они не отрицают моральной ценности, благородных устремлений, самоотверженного рвения местных реформаторов; но они опасаются, что всё это лишь усилит опасное влияние и замедлит распространение христианства, поскольку направит некоторые из лучших умов Индии, которые, возможно, были бы привлечены к нашей религии, в иное русло. Они относятся к Кешубу Чандру Сену³ так же, как Афанасий мог бы относиться к Вульфиле, арианскому епископу готов: и все же, что стало бы с христианством в Европе, если бы не эти готские

¹ См. Примечание В. С. 77.

² 1 Кор 8:1 — прим. пер.

³ См. Примечание С. С. 81.

народы, не те еретики-ариане, которых считали более опасными, чем настоящие язычники?

Если мы подумаем о будущем Индии и о влиянии, которое эта страна всегда оказывала на Восток, то религиозно-реформаторское движение кажется мне самым важным событием в этом знаменательном столетии. Если наши миссионеры будут вынуждены отвергнуть его как свою собственную работу, история будет к ним более справедливой, чем они сами¹. И если не как работа христианских миссионеров, то в дальнейшем она будет признана работой тех христиан-миссионеров, которые жили в Индии и подавали пример истинной христианской жизни, которые шли к туземцам в истинно миссионерском духе, в духе истины и в духе любви; чьё присутствие растопило лёд и вывело из-за него старую почву, готовую приносить плоды в новой жизни. Эти индийские пуритане не против нас; для всех высших целей жизни они с нами, а мы, я верю, с ними. Что бы первые христиане сказали людям, находящимся за пределами христианства, которые говорили о Христе и его учении, как некоторые из этих индийских реформаторов? Могли бы они сказать им: «Если вы не говорите на нашем языке и не думаете нашими мыслями, если вы не принимаете наш Символ веры и не поддерживаете наши догматы, у нас не может быть ничего общего с вами».

О, христиане, и особенно миссионеры, близко к сердцу примут слова миссионера-епископа²! «Я много лет думал, — пишет епископ Паттесон, «что мы слишком стремимся в наших миссиях сделать

¹ *Indian Mirror* (10 сентября 1869 г.) постоянно описывает миссионерские усилия различного рода в духе, который не только дружественен, но даже желает взаимного сочувствия; и надеясь, что какие-либо различия могут существовать между ними (миссионерами) и представителями Брахмо, обе стороны будут искренне брататься, чтобы искоренить идолопоклонство и продвигать истинную мораль в Индии.

Многие из наших собственных пасторов и руководителей, пишет *Indian Mirror*, набираются из миссионерских школ, которые, предоставляя религиозное образование, оказываются более благоприятными для роста и распространения движения Брахмо, чем государственные школы с Контон и секуляризмом. (*Indian Theism*, by S. D. Collet, 1870, p. 22).

² *Life of John Coleridge Patteson*, by C. M. Yonge, ii. p. 167.

английских христиан... Очевидно, по отношению к язычнику не справедливо обременять послание ненужными требованиями. У древней Церкви был свой «набор основ» ... Любой может увидеть, какие ошибки мы сделали в Индии... Немногие способны проникнуться восточным разумом ... Мы стремимся денационализировать эти расы, насколько я могу судить; тогда как мы, несомненно, должны изменять как можно меньше — только то, что явно несовместимо с простейшими формами христианского учения и практики. Я не имею в виду, что мы должны идти на компромисс с истиной. . . но разве она не совпадает во многом с человеческими традициями!»

Если бы у нас было много таких миссионеров, как епископ Паттесон и епископ Коттон, если бы христианство не только проповедовалось, но и жило в таком духе, оно показало бы себя тем, чем является — религией человечества в целом, достаточно большой, чтобы вбирать все оттенки и разнообразие характера и расы.

Более того, если бы этот истинный миссионерский дух, дух истины и любви, терпения, доверия, терпимости, смирения однажды зажёл сердца всех этих благородных посланников Христа, послание Евангелия, которое они должны донести, станет таким же большим благословением для дающего, как и для получающего. Даже сейчас миссионерская работа объединяет, как дома, так и за рубежом, тех, кто разделён стенами богословских сект¹.

¹ «Большое число европейских и американских миссионеров, обосновавшихся в Индии, мощно оказывает на страну разнообразное моральное влияние, потому что они действуют сообща, с компактностью, которая мало понятна. Хотя они принадлежат к разным христианским конфессиям, из-за характера своей работы, изолированного положения и многолетнего опыта, они были вынуждены думать скорее о многочисленных вопросах, по которым они согласны, чем о тех, по которым они расходятся, и они искренне сотрудничают. Местности разделены между ними согласно дружеским договоренностям, и, за некоторыми исключениями, среди них существует фиксированное правило, согласно которому они не будут посягать на новообращенных друг друга и сферы деятельности. Школьные учебники, переводы Священного Писания и религиозные труды, подготовленные различными миссиями, используются совместно; а помощь и улучшения, обеспечиваемые одной миссией, свободно передаются в распоряжение всех. Большая часть миссионеров, проживающих

Она могла бы добиться большего. Стоя перед общим врагом, мы быстро забываем о мелких распрах. Но почему? Боюсь, что часто только из соображений осторожности и эгоизма. Разве мы не можем, если будем в духе стоять перед общим другом — не можем ли мы перед лицом Бога забыть наши мелкие распри, со стыдом? Если миссионеры допускают в свои ряды обращённых, которые с трудом понимают противоречивые абстракции наших догматов и формул, необходимо ли исключать тех, кто понимает их, но слишком хорошо, чтобы подчинить крылья своего свободного духа таким унижительным цепям? Когда мы пытаемся думать о величии Бога, что это за формулы, как не детское заикание, которое может истолковать и понять только любящий отец! Основы нашей религии не в этих бедных символах веры; истинное христианство живёт не в нашей вере, а в нашей любви — в нашей любви к Богу и в нашей любви к людям, основанной на нашей любви к Богу.

В этом весь Закон и Пророки; это религия, которую следует проповедовать всему миру; это Евангелие, которое покорит все другие религии — даже буддизм и магометанство, — которое покорит сердца всех людей.

Любви не может быть слишком много, хотя может быть и слишком много веры, особенно когда она приводит к требованию точно такой же меры веры и от других. Пусть те, кто желает истинного успеха в миссионерской работе, научатся вкладывать всё изобилие своей веры; пусть они научатся требовать меньшего от других, а не от себя. Это лучшее подношение, самый ценный вклад, который они могут сделать сегодня в дело миссии.

в каждой из столиц президентств, собирается на миссионерские конференции, проводит периодические встречи и согласованно выступает по общественным вопросам. Они часто обращаются к правительству Индии по важным социальным вопросам, касающимся благосостояния коренного населения, и предлагают важные улучшения существующих законов. За последние двадцать лет пять раз проводились генеральные конференции для взаимных консультаций по вопросам их миссионерской работы; в январе прошлого года, на последнем из этих собраний в Аллахабаде принимал участие 121 миссионер, принадлежащий к двадцати различным обществам, в том числе несколько человек с большим опытом, которые прожили в Индии более двадцати лет». — *India, Progress and Condition*, 1873, p. 124.

Пусть миссионеры вновь проповедуют Евангелие, как оно проповедовалось, когда оно начало завоевание Римской империи и готских народов; когда ему приходилось бороться с властью и княжествами, с богатыми веками религиями и торжествующими философиями, с гордостью за цивилизацию и жестокостью жизни — и выйти победителем. В то время обращение не было вопросом, который можно было решить путём принятия или отклонения определённых формул или догм; часто было достаточно простой молитвы: «Господи, помилуй меня, грешного».

Есть вера, которая выражается словами, и есть другая, которая едва ли может найти выражение: первая подобна богатству, которое достаётся нам по наследству, вторая подобна хлебу насущному, который каждый из нас должен добывать в поте лица. Мы не можем ожидать первую от новообращённых; мы не должны ожидать её или требовать из опасения, что это может привести к лицемерию или суевериям. Простая вера в чудеса, простое повторение формул не требует никаких усилий от обращённых, с детства верящих в Пураны брахманов или буддийские гатаки. Им гораздо легче принять легенду, чем любить Бога, повторять Символ веры, чем прощать своих врагов. В этом отношении они точно такие же, как мы. Пусть же миссионеры помнят, что христианская вера дома уже не та, что была раньше, и что невозможно иметь одно вероучение для проповеди за границей, а другое — дома. Многое из того, что раньше считалось важным, теперь игнорируется; многое из того, чем раньше пренебрегали, теперь считается важным. Я думаю о мирянах больше, чем о духовенстве: но чем было бы духовенство без мирян? Многие из наших лучших людей, людей величайшей власти и влияния в литературе, науке, искусстве, политике, да, даже в самой церкви, больше не являются христианами в старом смысле этого слова. Некоторые воображают, что они совсем перестали быть христианами, потому что чувствуют, что не могут верить так сильно, как проповедуют другие. Мы не можем позволить себе потерять этих людей, и мы не потеряем их, если научимся довольствоваться тем, что удовлетворило Христа и апостолов, тем, что удовлетворило многих трудолюбивых миссионеров. Если

христианство хочет сохранить свою власть в Европе и Америке, если оно хочет победить в священной войне будущего, оно должно сбросить свои тяжёлые доспехи, латунный шлем и кольчугу и встретиться с миром, как Давид, с посохом, камнями и пращей. Мы хотим меньше веры, но больше доверия; меньше церемоний, но больше работы; меньше торжественности, но больше искренности; меньше доктрин, но больше любви. Есть вера, маленькая, как горчичное зерно, но только это зерно может сдвинуть горы, и более того, оно может тронуть сердца. Что бы мир ни сказал о нас, о нас, маловерных, давайте помнить, что был человек, принявший приношение бедной вдовы. Она бросила всего две лепты, но это было всё, что у неё было, даже вся её жизнь.

Примечание А.

*Mahadayassapi ginassa kaddhanam,
Vihaya pattam amatam sukham pi te
Karimsu lokassa hitam tahim tahim,
Bhaveyya ko lokahite pamadava?*

Первая строка эллиптическая.

(Имитируя) смирение всемилостивому Завоевателю,

Они также, отказавшись от бессмертного блаженства в пределах своей досягаемости,

Трудились на благо человечества в разных странах.

Какой человек поступал бы небрежно, делая добро человечеству?

Харди в своём «Учебнике буддизма»¹ описывает, как пятьдесят четыре принца и тысяча поклоняющихся огню стали учениками Будды. «Когда Будда пребывал в Исипатане, Яса, сын Суджаты, которого растили со всей утончённостью, однажды ночью в секрете отправился к нему, был принят с радостью, стал служителем (priest) и вступил на первый путь. Узнав о его побеге, отец стал безутешен, но Будда обратился к нему с речью, и тот стал архатом. Пятьдесят четыре спутника Ясы отправились в монастырь, чтобы побудить его вернуться, и предаваться с ними забавам, как раньше, но так их поразили его манеры и вид, что они также решились

¹ Manual of Buddhism, p. 187.

стать служителями. Когда они отправились к Будде, тот принял их, властью ирдхи они получили пирикара, признаки священства, и стали архатами. Теперь у Будды было шестьдесят учеников, которые были архатами, и он повелел им идти разными путями, и провозгласил, что в мире появился величайший Будда».

Господин Чайлдерс любезно прислал мне отрывок из «Дхаммапады» Фаусбёлля¹, где рассказывается та же история:

... *Yasakulaputtassa upanissayasampattim disva tam rattibhage nibbiggitva geham pahaya nikkhantam ' ehi Yasati ' pakkositva, tasmin neva rattibhage sotapattiphalam punadivase arahatta-m papesi. Apare pi tassa sahayake katupannasagane ehibhikkhupabbaggaya pabbagetva arahattam papesi. Evam loke ekasattiya arahantesu gatesu vut thavasso pavaretva 'karatha bhikkhave karikan' ti satthim bhikkhu disasu pesetva...* «Видя, что молодой дворянин Яса созрел для обращения, ночью, устав от мирской суеты, он покинул свой дом и принял аскетическую жизнь, тот позвал его, сказав: “Следуй за мной, Яса”, и это в ту же ночь побудил его вкусить плоды первого пути, а на следующий день — архатства. Ещё пятьдесят четыре человека, бывшие друзьями Ясы, были посвящены с формулой: “Следуй за мной, священник”, что привело их к достижению архатства. Таким образом, когда в мире был шестьдесят один архат, прошедший период уединения во время сезона дождей и возобновивший свою деятельность, он послал шестьдесят священников во все стороны, говоря: “Отправляйтесь, священники, в свои обходы (или странствия)”».

Другой отрывок, который также показывает стремление Будды увидеть, как его учение проповедуется по всему миру, был указан мне господином Чайлдерсом в «Сутре о великой паринирване», которая была опубликована этим неутомимым исследователем в «Журнале Королевского азиатского общества»²:

«За три месяца до смерти, когда здоровье и силы Гаутамы быстро затухали, его искушает Мара, который приходит и убеждает его завершить одним махом свою жизнь и миссию, вступив в нирва-

¹ Fausboell, Dhammapada, p. 119

² Childers. Mahaparanibbana Sutta. Journal of the Royal Asiatic Society, vol. vii. p 77.

ну (умерев). Будда отвечает, что он не умрёт, пока его ученики не достигнут совершенства во всем и не смогут сохранять Истину от всех неверующих. Мара отвечает, что это уже достигнуто, на что Будда произносит эти поразительные слова: *Na tavaham papima parinibbayissami yava me imam brahmakariyam na iddhan k'eva bhavissati phitan ka vittharikam bahujannam puthubhutam, yavad eva manussehi suppakasitan ti.* «О нечестивый, я не умру, пока моя святая религия не будет процветать, пока она не получит широкого распространения, не станет великой и известной многим народам, пока не будет полностью распространена среди людей». Мара снова утверждает, что это уже так, и Будда отвечает: «Не пытайся больше, грешник, смерть Татхагаты близка. Через три месяца Татхагата достигнет нирваны».

Примечание В. Раскол в Брахмо-Самадж¹.

Нынешнее положение двух сторон в Брахма-самадже хорошо описано Раджнарайном Босом («Ади Брахмо самадж», Калькутта, 1878, стр. 11). «Вышеупомянутые частные мнения можно разделить на два обширных группы — консервативные и прогрессивные. Консервативные последователи Брахмы — это те, кто не желает толкать религию и социальные реформы к каким-либо крайностям. Они считают, что реформация должна быть постепенной, поскольку закон постепенного развития повсеместно преобладает в природе. Они также говорят, что принцип брахмической гармонии требует гармоничного выполнения всех наших обязанностей, и что, хотя должно принимать участие в преобразовании, есть и другие обязанности, которые нужно выполнять, а именно обязанности по отношению к родителям и обществу, и что мы должны максимально согласовать все эти обязанности.

Какими бы неудовлетворительными ни казались такие аргументы прогрессивным последователям, их нельзя просто проигнорировать.

¹ Брахма-Самадж, Церковь Брахмы,— это общее название. Когда произошёл раскол, изначальный Самадж назвался Ади Брахма-Самадж, то есть первая церковь Брахмы, а прогрессивная партия Кешуба Чандер Сена стала известна под названием Брахма-Самадж в Индии. Гласные у и о в бенгальском языке часто совпадают и иногда используются для обозначения *a*.

Они определённо нацелены на то, чтобы консервативный брахмо искренне думал, что он имеет право не доводить религиозную и социальную реформу до каких-либо крайностей. Поэтому прогрессивный брахмо не может называть его лицемером. Союз как консервативных, так и прогрессивных элементов в церкви брахмо необходим для её стабильности. Консервативный элемент не даст прогрессивному испортить дело реформации, приняв преждевременные и неудачные меры для продвижения её; прогрессивный элемент не даст консерваторам стать для неё флегматичным препятствием. Консервативный элемент будет служить связующим звеном между прогрессивным элементом и ортодоксальным сообществом и предотвратит полное отделение прогрессивного брахмо от этого сообщества, как это делают местные христиане; в то же время прогрессивный элемент не позволит консерваторам оставаться инертными и быть поглощёнными ортодоксальным сообществом. Общие интересы Брахмо Дхармы должны побуждать оба класса уважать и поддерживать дружеские отношения друг с другом. Действительно, прогресс нынешней половины века окажется консерватором следующей; но никогда не наступит время, когда два класса перестанут существовать в лоне Церкви. Она должна, как мудрая мать, заставить их жить в мире друг с другом и гармонично работать вместе на её благо.

«Поскольку идолопоклонство тесно вплетено в нашу социальную ткань, консервативному брахмо, отвергающему его в разных ситуациях, очень трудно сделать это в случае важных домашних церемоний, таких как брак, шрадх (жертвоприношения для предков) и упанаяна (духовное ученичество); но они должны учитывать, что брахмоизм не столь категоричен в любых других вопросах, как в отношении отказа от идолопоклонства. Он может допускать консерватизм в других отношениях, но не в отношении идолопоклонства. Человек может считаться брахмо, если он консервативен в других отношениях, кроме идолопоклонства; никогда идолопоклонника нельзя считать брахмо. Консервативный брахмо может сделать одно — соблюдать старый ритуал, не обращая внимания исключительно на его идолопоклонническую часть, если он

не решит следовать позитивному ритуалу брахмо, предложенному в «Ануштхана Паддхати». Прогрессивный брахмо должен дать свободу консервативному брахмо в оценке идолопоклоннического характера тех частей старого ритуала, которые он отвергает. Если прогрессивный брахмо требует, чтобы консерватор отверг те части, которые первый считает идолопоклонством, а второй нет, он отказывает в свободе совести своему собрату-брахмо.

«Ади Брахмо-Самадж — это национальная индуистская теистическая церковь, принципы церковной реформации которой мы описали выше. Её отношение к старой религии страны дружелюбное, но корректирующее и реформаторское. Именно это обстоятельство в высшей степени отличает его от Брахмо-самадж Индии, отношение которой к этой религии является антагонистическим и оскорбительным. Миссия Ади Самадж — исполнить старую религию, а не разрушить её. Отношение Ади Самаджа к старой религии дружелюбное, но в то же время они не против прогресса. Ошибочно называть её консервативной церковью. Это скорее консервативно-прогрессивная церковь, или, вернее, просто церковь или религиозная организация, оставляющая вопросы социальной реформации на усмотрение отдельных членов или сообществ таких членов. В неё входят как прогрессивные, так и консервативные члены. Если бы ультрапрогрессивный брахмо хотел устранить из неё консервативный элемент, он был бы вынужден отделиться от церкви, так и если в её лоне возникнет высокая консервативная партия, которая попытается совершить насилие над прогрессивным элементом и обратить Церковь в более консервативную, эта партия также будет вынуждена выйти из неё. Только люди, которые могут быть терпимы к мнению других и уважать искренние убеждения друг друга, и прогрессивные, и консервативные, могут оставаться её членами».

Сильное национальное чувство индийских реформаторов находит выражение в следующем отрывке из «Brahmic Questions» (p.9):

«Самадж доступен всем. Умы большинства наших соотечественников не сильно пропитаны христианскими настроениями. Что бы они подумали о священнике-брахмо, который цитировал бы

ведические (алтарные) высказывания из Библии? Разве с того момента они не воспылали бы невыносимой ненавистью к брахмоизму и всем брахмо? Если цитирование Библии или Корана оскорбляет наших соотечественников, мы не будем этого делать. Истина столь же кафолична, когда взята из шастр, как и из Корана или Библии. Истинная щедрость заключается не в цитировании текстов из религиозных священных писаний других народов, а в том, чтобы по мере нашего продвижения возвращать тех, кто пресмыкается в невежестве и суевериях. Мы определённо не действуем вопреки велению совести, если цитируем тексты только из индуистских шастр, а не из всех религиозных писаний всех стран мира. Кроме того, в священных писаниях других народов нет ни одного изречения, которое не имело бы аналога в шастрах».

И ещё в «The Adi Brahma-Samaj, its Views and Principles» (р. 1): «Члены Ади Самадж, стремясь распространить истины теизма среди собственной нации, индуистов, естественно приняли индуистский способ распространения, точно так же, как арабский теист принял бы арабский способ распространения, а китайский теист — китайский. Такие различия в свойствах теизма в разных странах должны, естественно, возникать из обычного положения вещей, но они являются случайными, а не существенными, национальными, а не сектантскими. Хотя брахмоизм — универсальная религия, придать ему универсальную форму невозможно. В конкретной стране он должен носить определённую форму. Так называемая универсальная форма сделает его гротескным и смешным для нации или религиозного вероисповедания, среди которых он должен распространиться, и помешает его почитанию. В соответствии с такими взглядами, Ади Самадж принял индуистскую форму распространения теизма среди индуистов. Таким образом, он сохранил многие невинные индуистские обычаи и традиции и принял форму богослужения, содержащую отрывки, извлечённые только из индуистских шастр, книги теистических текстов, содержащие только отрывки из этих священных текстов, и ритуал, сохраняющий столько древней формы, сколько можно было сохранить в соответствии с велениями совести».

Примечание С. Выдержки из лекции Кешуб Чандер Сена о Христе и христианстве (1870)

«Почему я лелею уважение и почтение ко Христу?.. Почему, хотя я не называю себя христианином, я все же настойчиво выражаю свои сердечные благодарения Иисусу Христу? В жизни и смерти Христа должно быть что-то — в Его великом Евангелии должно быть что-то, что может приносить утешение, свет и силу сердцу, отягощённому беззаконием и злом... Я изучал Христа этически, более того, духовно — и я изучал Библию в том же духе, и я должен откровенно и искренне признать, что я многим обязан Христу и Евангелию Христа...

«Моим первым вопросом был следующий: о каком символе веры говорится в Библии?.. Должен ли я пройти через все догмы и доктрины, составляющие христианство в глазах различных сект, или есть что-то простое, что я могу сразу уловить и принять к сведению?

«Я обнаружил, что Христос говорил на одном языке, а христианство — на другом. Я шёл к нему, приготовившись услышать то, что он хотел сказать, и был безмерно рад, когда он сказал мне: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, и люби ближнего твоего, как самого себя», и затем добавил: «В этом утверждается весь закон и пророки» — другими словами, вся философия, богословие и этика закона и пророков сосредоточены в этих двух великих доктринах любви к Богу и любви к человеку; а затем в другом месте он сказал: «Сделайте это, и вы наследуете жизнь вечную». ... Если мы любим Бога и любим человека, мы становимся подобными Христу и таким образом обретаем жизнь вечную.

«Христос никогда не требовал от меня поклонения или преклонения перед Богом, Создателем Вселенной... Он предстаёт передо мной как дух, который я должен впитать, чтобы приблизиться к Божественному Отцу, как великий Учитель и наставник, который приведёт меня к Богу.

«Есть люди, которые верят, что если мы пройдем через обряд крещения и причастия, то будем приняты Богом; но если вы при-

мете крещение как внешний обряд, вы не сможете таким образом сделать свою жизнь приемлемой для Бога, потому что Христос хочет чего-то внутреннего, полного обращения сердца, отказа от ига мамоны и принятия ига религии и истины, и Бога. Он хочет, чтобы мы крестили наши сердца не холодной водой, а огнём религиозного и духовного энтузиазма; он призывает нас не совершать никаких внешних обрядов, но сделать крещение таинством сердца, духовным воспламенением всей нашей энергии, всех наших самых высоких и самых небесных стремлений и действий. Это истинное крещение. Итак, что касается учения о Таинстве. Многие едят хлеб и пьют вино за причастным столом и проходят церемонию в самом благочестивом и пылком духе; но, в конце концов, что означает настоящее Причастие. Если люди просто воспримут его как дань уважения и чествования Христа, будет ли тот удовлетворён? Удовлетворятся ли они сами? Можем ли мы смотреть на них как на христиан просто потому, что они регулярно проходят этот обряд в течение двадцати или пятидесяти лет своей жизни? Думаю, нет. Христос требует от нас абсолютного освящения и очищения сердца. В этом вопросе я также вижу Христа по одну сторону и христианские секты по другую.

«Что это за хлеб, который Христос просил есть Своих учеников? Что за вино, которое он просил их попробовать? Любой человек, имеющий в себе зачатки разума (*intelligence*), сразу же пришёл бы к выводу, что все это метафорично и в высшей степени духовно. Итак, готовы ли вы принять Христа просто как внешнего Христа, внешнего учителя, внешнего искупителя и умиловителя, или вы докажете свою верность Христу, приняв Его торжественные предписания в их духовной важности и значимости? Он ясно говорит, что каждый его последователь должен есть его плоть и пить его кровь. Если мы едим, хлеб превращается в силу и здоровье и становится средством продления нашей жизни; а духовно, если мы примем истину в своё сердце, если мы вложим Христа в душу, мы вберём дух Христа в своё духовное существо, и тогда мы обнаружим, что Христос включён в наше существование и обращён в духовную силу, здоровье и радость и блаженство. Христос хочет

чего-то, что будет равносильно самопожертвованию, отвержению ветхого человека и новому росту в сердце. Таким образом, я провожу разграничительную линию между видимым и внешним Христом и невидимым и внутренним Христом, между телесным Христом и духовным Христом, между Христом образов и изображений и Христом, растущим в сердце, между мёртвым Христом и живым Христом, между Христом, который жил и который был, и Христом, который действительно живёт, и который есть...

«Таким образом, быть христианином — значит быть подобным Христу. Христианство означает уподобление Христу, не принятие Христа как предложения или внешнего представления, но духовное соответствие жизни и характеру Христа. А что есть Христос? Под Христом я понимаю того, кто сказал: «Да будет воля Твоя», и когда я говорю о Христе, я говорю о духе преданности Богу, о духе абсолютной решимости и готовности говорить в любое время и при любых обстоятельствах: «Да будет воля Твоя, а не моя»...

«Эта молитва о прощении врага и о любви к врагу, это трансцендентное учение о любви к человеку, действительно сладко для меня, и когда я думаю о том благословенном Человеке Божьем, распятом на кресте и произносящем эти благословенные слова: «Отец, прости им, они не ведают, что творят», о! я чувствую, что должен любить это существо, я чувствую, что во мне есть что-то, что трогают эти сладкие небесные речения, я чувствую, что должен любить Христа, позволить христианам говорить против меня все, что им нравится; что я должен любить Христа, потому что он проповедовал любовь к врагу...

Когда каждый отдельный человек станет христианином по духу — откажитесь от этого имени, если хотите, — когда каждый отдельный человек станет таким же молитвенным, каким был Христос, таким же любящим и прощающим врагов, как был Христос, таким же самоотверженным, каким был Христос, тогда эти маленькие единицы, эти маленькие индивидуальности сольются и соединятся благодаря естественной близости их сердец; и эти новые создания, преобразованные, возрождённые, в детском и подобном Христу духе преданности и веры, почувствуют влечение друг к другу,

и они составят настоящую христианскую церковь, настоящую христианскую нацию. Позвольте мне, друзья, сказать, что Англия ещё не христианская нация».

Выдержки из катехизиса, составленного членом Ади Брахмо-Самадж

В. Кто является божеством для брахмо?

О. Единый Истинный Бог, единственный без второго, которого прославляют все индийские шастры.

В. Что такое божественное служение для брахмо?

О. Любить Бога и делать то, что Он любит.

В. Что такое храм для брахмо?

О. Чистое сердце.

В. Каковы церемониальные обряды брахмо?

О. Благие труды.

В. Что такое жертвоприношение брахмо?

О. Отказ от эгоизма.

В. Каковы аскезы брахмо?

О. Не совершать греха. Махабхарата говорит: Тот, кто не совершает греха в уме, словах, действиях или понимании, совершает аскезу, а не тот, кто иссушает своё тело.

В. Какое место паломничества брахмо?

О. Окруженность благим (The company of the good).

В. Что такое Веда брахмо?

О. Божественное знание. Оно превосходит все Веды. Сама Веда говорит: «Низшее знание — это Риг Веда, Яджур Веда, Сама Веда, Атхарва Веда и т. д.; высшее знание — это то, что относится к Богу.

В. Какая самая священная формула брахмо?

О. Будьте добры и делайте добро.

В. Кто настоящий Брахман?

О. Тот, кто знает Брахму. Брихадараньяка-упанишада говорит: Тот, кто уходит из этого мира, зная Бога, является Брахманом. (См. «Brahmic Questions of the Day», 1869).